

1. Без хеппи-энда

Э.И.Нечипорук

В 1965 году (могу ошибиться на 1 год) два приятеля - Миша Левит и я - стали участниками семинара по теории сложности алгоритмов. Руководитель семинара Григорий Самуилович Цейтин предложил нам тему для совместного доклада – изложить одну из статей Э.И.Нечипорука, опубликованную в журнале «Проблемы кибернетики». Эдуард Иванович Нечипорук, доктор физматнаук, работал в НИИММе, причем с невероятной результативностью. Его большие статьи с решением сложных проблем теории схем из функциональных логических элементов то и дело появлялись в печати. Хотя Миша Левит учился практически на одни пятерки, да и я не был отстающим, статья давалась нам с большим трудом. Наконец, мы крепко застряли на формуле, где нижний индекс одной из букв представлял собой навороченное выражение, занимавшее чуть не половину журнальной страницы. Пришлось признаться руководителю семинара, что не можем одолеть это место. Ну, так съездите к Нечипоруку и попросите, чтобы он помог разобраться, - посоветовал Г.С.Цейтин. – Правда, он сейчас в больнице, но ничего страшного, можно съездить. Заодно передайте приглашение к нам на семинар после выздоровления.

Оказалось, что речь идет о больнице им.Скворцова-Степанова. Приехав туда, мы были поражены хамством обслуживающего персонала. Что ты стоишь?! – кричала сердитая мед«сестра» доктору физматнаук. – Не видишь, к тебе люди пришли, неси быстро табуретки! Нам было очень стыдно. Эдуард Иванович выслушал нашу просьбу, взял журнал и бросил взгляд на злополучную формулу. Реакция его была почти мгновенной. Да здесь же опечатка, - заявил он и объяснил нам, в чем дело. Мы поблагодарили, пожелали скорейшего возвращения на работу и передали приглашение на семинар.

Наш доклад состоялся. А позже состоялся и доклад Э.И.Нечипорука о некоторых его результатах. На этот доклад пришло довольно много народу – Эдуард Иванович редко выступал на публике. Присутствовали кандидаты физматнаук, аспиранты, студенты. Объяснял Эдуард Иванович как будто хорошо, но сам материал был очень уж сложен. По аудитории можно было видеть, как она постепенно отпадает от понимания и контакта с докладчиком. Студенты, естественно, отпали довольно быстро, потом настал черед и аспирантов. Докладчик, несмотря на абсолютное владение материалом, тоже начал уставать, по его большому лбу даже не скатывались, а текли одна за другой крупные капли пота. Наконец, отпали и кандидаты физматнаук. Диалог с аудиторией поддерживался только благодаря Г.С.Цейтину. И вот эпизод. Г.С.Цейтин, специалист мирового уровня по математической логике и по информатике, один из выдающихся представителей школы академика А.А.Маркова (А.А.Марков еще в период защиты Г.С.Цейтиным кандидатской диссертации предлагал присудить ему сразу докторскую степень), задает вопрос. Докладчик внимательно смотрит на него, затем тоном Шерлока Холмса заявляет: Гера, но это же элементарно!...

К сожалению, болезнь не отпустила Эдуарда Ивановича, и жизнь его закончилась трагически.

В.Эйдлин

В 9-ом (8-ом ?) классе осенью во время урока оказался я по какой-то забытой уже причине не в классе, а в тишине коридора нашей 38-й школы Василеостровского района Ленинграда. Озорник я был еще тот, и пришла в голову мысль заглянуть в учительскую. Там не было ни души! Почему классный журнал находился в

учительской – не помню. Но меня давно интересовал вопрос, есть ли в нем какие-нибудь секреты. И вот я хватаю классный журнал, засовываю его под школьную форму и выхожу пай-мальчиком. Так журнал оказался дома. Естественно, я прятал его от родителей и брата. Никаких особенных секретов в журнале не оказалось, кроме, правда, одного – зато какого! Согласно журналу, в нашем классе учился некий Владимир Леонидович Эйдлин, которого я до тех пор и видом не видал, и слыхом не слыхал. Догадался, конечно, что это фактический экстернат, и очень удивился. В журнале я ничего не портил и через пару дней, улучив подходящий момент, подsunул его за батарею на лестничной площадке 2-го этажа школы, так, чтобы его обнаружили. О моем проступке так никто и не узнал. Что касается экстерната, то теперь, с учетом жизненного опыта, можно сказать, что дело это весьма рискованное. С одной стороны, понятно желание родителей уберечь ребенка от шишек и синяков (а в некоторых случаях и от оскорблений). К тому же для талантливого мальчика важен выигрыш времени. Все так. Но есть огромный минус: вот эти самые детские синяки и даже оскорбления дают опыт общения и понимания окружающих, отсутствие которого восполнить позже нечем.

На вступительном экзамене на матмех по литературе выбрал я какую-то стандартно-литературную тему. Отвлекаясь от черновика, иногда посматривал по сторонам и хорошо видел, что пишет сосед спереди (передний ряд был ниже). Парень весьма запоминающейся внешности выбрал тему «Почему я хочу стать математиком» и писал о том, что в математике его привлекает возможность проявить особого рода фантазию. Это было настолько интересно, что мне пришлось сделать усилие для сосредоточения на своей работе.

В один из первых дней сентября уже студентом сидел я перед лекцией в большой аудитории, а несколько молодцов бесцеремонно бегали по партам, играя в пятнашки. Среди них оказался и мой сосед по сочинению. Мне эта беготня ужасно не нравилась, так как мешала настроиться на предстоящее слушание лекции. Молодцы же, по-видимому, в настройке не нуждались (действительно, как выяснилось впоследствии, они вместе посещали математический кружок высокого уровня, и матмех давно был для них родным домом). Пришлось сделать замечание одному из них, пробежавшему рядом, – как раз моему бывшему соседу. Вскоре ко мне подошел другой молодец, представившийся кандидатом в мастера спорта по самбо, и предупредил, что если я буду продолжать придирается к его лучшему другу, то буду иметь дело с ним. Наверно, читатель (если это наш однокурсник) уже догадался, что моим соседом по сочинению был Володя Эйдлин, а самбистом – Витя Ханин.

Надо сказать, что, хоть я и был сердит на обоих молодцов, конфликт не получил продолжения. Учились мы в разных группах, и поначалу не общались. Однако, мало-помалу, обе стороны конфликта стали получать довольно-таки положительную информацию о своем визави. Володя Эйдлин вызывал у меня уважение успехами в математике и мнением наших общих знакомых однокурсников о нем как о честнейшем и порядочнейшем человеке. Положительным отзывам о моей персоне я обязан, в частности, Саше Иванову (посещавшему в прошлом тот же кружок). В такой ситуации смешно было бы дуться из-за мальчишеских шалостей. Они остались в прошлом. Помню, как уже после окончания 5 курса зашел я на матмех и увидел на первом этаже В.Эйдлина. Он стоял ко мне спиной. Я обрадовался встрече и хлопнул его по плечу сзади – видимо, сильнее, чем следовало. Володя резко обернулся с гневным выражением лица, но, увидев меня, заулыбался.

Работая в Дагестане по распределению после аспирантуры, я попросил моих домочадцев выяснить по возможности в Ленинграде порядок депонирования рукописей, причем попросил обратиться для этого именно к Володе Эйдлину. У меня до сих пор хранится его ответное письмо, написанное в очень деловом и дружелюбном

тоне (обратный адрес – ул.Гаврская...). Заканчивается оно так: «Ну, будь здоров! Привет. Володя».

Очень жалею, что не поговорил с Володией ни о его учебе экстерном (в одном классе со мной!), ни о предмете его экзаменационного сочинения – математической фантазии. Увы... Однажды, в разгар рабочего дня в ЦНИИ ЛОТ (там, кроме меня, работали однокурсники Б.Малый и А.Стирес) пришло ужасное известие, и мы втроем поехали на похороны. Запомнилось на всю жизнь выступление Вити Ханина, который сказал о покойном: он был храбрым среди трусов, мужчиной среди евнухов. Я безусловно верю этим словам Вити. Кто же в ответе за случившееся? Об этом чуть ниже.

Прошло еще около пятнадцати лет, и вот встречаю в метро нашего замечательного проводника в мир высшей математики Виктора Петровича Хавина, радостно и уважительно здороваюсь с ним и пытаюсь объяснить, с какого я курса. Виктор Петрович задумчиво смотрит на меня и спрашивает: так это курс, где учился Эйдлин?.. Вот так, ни больше, ни меньше. Но коль скоро о нашем курсе помнят по Эйдлину, думается мне, его жизнь и смерть надо оценивать как жизнь и смерть звезды. Да, каждый человек отвечает за себя. Но в стихотворении «На смерть поэта» Лермонтов писал об ответственности общества, а не Пушкина. В книге «Эварист Галуа. Избранник богов» Л.Инфельд, говоря о трагедии, унесшей жизнь гения, на первый план ставит общественные обстоятельства. И, думая о трагедии, унесшей жизнь очень большого математического таланта - Володи Эйдлина, я не могу не думать о том государстве, которое умело развешивать хорошие словеса, но не умело или не хотело поддерживать даже очевидные таланты. Противоположное мнение опровергается многочисленными примерами, в том числе, к сожалению, историей Володи Эйдлина. Эта история показывает и ошибочность расхожего штампа «талант всегда пробьется». Да, некоторые таланты пробивались. Но сколько их билось как рыба об лед и разбивалось. Кто-то погибал, как Володя, кто-то спивался, кто-то уезжал туда, где ценят талант. «Отрицательный» отбор... Из-за него-то у нас и дураки, и дороги...

В.Георгиевский

В октябре 1962 года в связи с объявлением В.П.Хавина о предстоящем коллоквиуме по матанализу в нашей группе организовалась компания желающих готовиться совместно. Мы называли себя «пятеркой», но не в честь желаемой оценки, а по количеству участников. Постоянных участников было четверо – В.Георгиевский, В.Гринблат, М.Левит и я. Нередко присоединялся кто-нибудь еще, например, Г.Антощенко. Занимались мы на матмехе в какой-нибудь свободной аудитории. Заранее договаривались о темах, и каждый докладывал доказательство «своей» теоремы. Не стеснялись расспрашивать докладчика, стремясь понять все детали, а трудные места разбирали вместе. Нам очень понравилась такая форма работы, и «пятерка» усердно работала аж 4 семестра. Хотя совместные занятия помогали нам всем, но успехи участников были не одинаковы. Наибольшие трудности испытывал Валя Георгиевский. Он поступил на матмех после Суворовского училища, которое закончил с отличием, вследствие чего имел льготу и, если не ошибаюсь, поступил без экзаменов. Валя был очень трудолюбивым и добросовестным человеком. Но это мало помогало ему, когда надо было понять трудное место в доказательстве. Мы, его товарищи, относились к таким трудностям с пониманием, но, к сожалению, не все преподаватели были достаточно толерантны. Увы, в памяти осталось крайне непарламентское выражение, примененное одним из них, когда Валя стоял у доски.

Валя был очень искренним и приятным в общении человеком. Помню забавный случай. Когда объявили об очередном космическом полете (скорее всего, это был полет группы космонавтов в 1964 году), наш курс в едином порыве восторга удрал с лекций и отправился с тотчас же изготовленными плакатами на Дворцовую площадь ликовать. Мы оказались там не одни: пришли студенты и некоторых других ВУЗов. Вдруг появился артист К.Ю.Лавров. Студенческий народ схватил его и стал качать, высоко подбрасывая. Через несколько дней на Невском возле Аничкова дворца, где выставлялись фото ТАСС, появился снимок нашего веселья на Дворцовой. На втором плане был летящий в воздухе К.Ю.Лавров, а на первом – наш Валя, с широко, во весь снимок, открытым ртом, в неопишемом восторге глядящий на полет народного артиста. Кстати, сам Валя хорошо пел и был участником знаменитого хора ЛГУ.

Кроме трудолюбия, справляться с проблемами учебы Вале помогала его большая организованность. Например, в общежитии у него висел список соседних магазинов и точек бытового обслуживания с расписанием работы всех. Примерно на 4 курсе Валя занялся комсомольской работой и продолжал заниматься ею, когда после диплома поступил в аспирантуру. В начале 1970-х его избрали секретарем комсомольского бюро факультета, и на это время он взял академотпуск.

На 4 или 5 курсе Валя женился на студентке геологического факультета. Многие однокурсники, в том числе и я, были на его свадьбе, которую провели в столовой матмеха. Были там и уже состоявшиеся студенческие пары. В памяти остались некоторые странные моменты в отношениях, которые проявились на этой свадьбе в парах, дальнейшая судьба которых не оказалась счастливой. После аспирантуры Валя не защитил диссертацию и пытался остаться в Ленинграде (возможно, уже были предчувствия...), но безуспешно. Вместе с семьей Валя уехал по распределению преподавателем ВУЗа, если не ошибаюсь, в Старую Руссу. Там или непосредственно перед поездкой у него родился сын (через много лет я встретил в автобусе в Питере парня, как две капли воды похожего на Валу, но постеснялся заговорить).

Впоследствии через других людей до меня дошли сведения о Валиных серьезных проблемах на работе, а потом и в семье, болезни и гибели. Попробую частично реконструировать ситуацию, исходя из жизненного опыта.

Когда я работал сразу после аспирантуры преподавателем в Дагестане, то, несмотря на мои матмеховские пятерки и четверки, испытывал большие затруднения и перегрузки. Во-первых, начинающему приходится преподавать предметы отнюдь не только в рамках его узкой специализации. Во-вторых, объяснять аудитории намного труднее, чем себе самому и даже нескольким товарищам. Надо продумать очень многое – от деталей доказательств до последовательности и подробности изложения материала, отбора примеров и т.д. и т.п. Готовых разработок еще нет. В общем, раньше часа ночи редко удавалось лечь спать. И, несмотря на это, завкафедрой прямо говорил мне, что моя преподавательская неопытность ощущается довольно сильно. Более того, два-три раза случалась такая неприятность, когда на заданный во время лекции существенный вопрос я не мог сразу найти ответа и проявлял изобретательность, чтобы дотянуть до звонка и на перемене заглянуть в учебник. Мне представляется очевидным, что у Вали подобные ситуации должны были возникать значительно чаще. А студенты, почувствовав слабину преподавателя, обычно хотят бить в слабое место. И, спрашивается, что тогда делать?! Сидеть до трех ночи? Но это приведет к еще большим трудностям, когда потребуются быстро что-то сообразить. Даже сейчас я не вижу хорошего выхода из подобной ситуации. Валя в итоге нашел выход. К сожалению, плохой...

Эта история вызывает в памяти дискуссию примерно 1967 года в стенгазете «Матмех за неделю». Один из руководителей университетского комсомола выступал за льготы для некоторых категорий поступающих на матмех (в основном речь шла о

рабочих и крестьянах - понятно, что тогдашней власти такие льготники казались будущей опорой режима). Автор этих строк выступал за льготы только по подготовке, с последующим поступлением на общих основаниях. Помню, что мой оппонент выиграл спор сногшибательным аргументом, что, дескать, звезды, способные развивать математику, поступят на факультет в любом случае, а какими будут остальные студенты, значения не имеет. Хотя мне этот «аргумент» не казался убедительным, иной раз ведь не просто опровергнуть даже отъявленную ахинею. История Вали Георгиевского показывает, что точке зрения власти в той дискуссии была безразлична не только экономическая судьба страны, но и личные судьбы нужных ей льготников.

2. Кипень

«Курятник строили в Кипени,
Приподнимали целину...»
(Людмила Кондратьева, выпуск 1969 г.)

В 1965 году комсомольское бюро матмеха направило меня в Кипень командиром студенческого отряда. Почти все студенты были на два курса младше меня (курс Матиясевича), большинство - механики. В памяти осталось немного конкретных эпизодов, расскажу два.

Сначала – деловой. Одной из забот командира отряда был заработок «бойцов». Алгоритм определения заработка не имел никакого отношения к реальной работе, в противном случае студенты остались бы практически без зарплаты, хотя работали много и добросовестно. Так были устроены нормы и расценки (естественно, относившиеся не только к Кипенской птицефабрике). Местное начальство объяснило, сколько примерно оно не против нам заплатить, после чего выдало справочник по нормам и расценкам. Оттуда надо было выписывать любые работы, по своей тематике и количеству не противоречившие задаче, которую решал отряд. Итоговая «туфта» являлась обоснованием обещанной начальством зарплаты.

Теперь эпизод забавный. Незадолго до отъезда в кустах неподалеку от нашего дома ребята обнаружили 43-литровый бидон для молока, куда, как оказалось, местные курицы тайно бегали нести яйца – возможно, в качестве протеста против введенных на птицефабрике порядков. Что делать? Народ по вечерам готовил яичницы по 10-12 штук «на нос», но с задачей справился...

3. Норильск

В Норильске я работал в матмеховском отряде летом 1968 года, т.е. будучи аспирантом Герценовского пединститута, а попал в отряд благодаря матмеховским знакомствам. Мне помнится, что командиром отряда был Валера Валяев с нашего курса, тогда аспирант матмеха. Стройку иногда называли Талнах — это очень красивое горное место в окрестностях Норильска, где добывали каменный уголь. Но в 1968 году студенты работали в основном в самом Норильске, где горно-металлургический комбинат (медь-никель). Помню свое изумление, когда в отдалении прошел огромный железнодорожный состав, вдоль которого большими белыми буквами было написано: «Собственность Норильского горно-металлургического комбината».

На Талнах мы ездили разок на экскурсию, на «Красные камни» — сухие горные склоны красного цвета, а внизу круглое озеро, посреди которого плавала огромная льдина, не успевавшая растаять за короткое лето. Было нас, туристов, человек 10-15. Я шел вверх последним, и передо мной слетел вниз камень, который служил опорой при подъеме. В итоге я не смог удержаться, и меня понесло вниз по осыпающемуся каменному склону. Погибла хорошая книжка, которая была в руках, и вывихнулось плечо. Спасла какая-то

колючка, росшая на склоне — за нее удалось зацепиться. Лежал я, распластавшись вдоль сухого склона и держась за колючку, довольно долго, надеясь, что придет помощь, — очень не хотелось утонуть в холодном озере. Но помощь не пришла — «отряд не заметил потери бойца». Пришлось начать подниматься самостоятельно и осторожно, продолжая лежать всем телом на склоне, ползком, как ящерица. На несколько метров ушло несколько часов. Незнакомые туристы, шедшие по противоположному склону горы, увидев меня, кричали: «Хватит баловаться!»

Как видите, я выбрался, и тут полил страшный ливень. Одновременно наверху горы мне встретился незнакомый парень, который знал дорогу к угольной шахте. Там была потрясающая сушилка с очень высокой температурой воздуха, и добрые работники, которые забрали нашу одежду и выдали ее совсем сухой.

Другое воспоминание относится к Коле Тюлякову, парню из нашего отряда (на той экскурсии в Талнах его не было). Он был моложе года на 4-5 (отделение механики). Был квалифицированным альпинистом, сам родом из Мончегорска. Однажды девочки из соседней комнаты (а жили мы на 4 этаже 5-этажного дома) захлопнули дверь своей комнаты, забыв там ключ. Коля обвязался канатом, перекинутым дважды через спинку кровати, я «травил» канат, а Коля вышел из окна и пошел вдоль отвесной кирпичной стены дома, вошел в окно соседней комнаты и открыл ее ключом изнутри. Мне казалось, что за такое геройство девочки должны носить Колю на руках, но они, по-моему, даже спасибо не сказали.

Мы с Колей придумали способ дробления ледяных глыб, мешавших везде на дорогах (вечная-таки мерзлота!). На бульдозер надевались отбойные молотки и одновременно долбили лед. Чтобы довести до ума «изобретение», мы остались вдвоем, когда весь отряд улетел. Трудностей было слишком много, и мы передали дело одному местному мастеровому человеку. Чем дело кончилось — не знаем, он потом перестал отвечать на звонки из Ленинграда.

С Колей мы изредка переписываемся, даже встречались в Питере на рубеже тысячелетий. Его дочь Ульяна уже в 2000-е тоже закончила матмех, была круглой отличницей.